

Живет в Москве (Россия).

Порт

Кто-то выдумал ресторанчик
в чужеземном порту,
воздух наполнен нежностью захолустных будней,
притомлённые души ангел подхватывает на лету,
дует в лицо им и возвращает людям.

Нет никакой Франции — выгляни, это обман! -
наше, уездное место, тут русские любят обедать.
На вошедшего в дверь хозяйка взглянет, как мать -
константинопольский, кажется...
кой-что изведаль...

Пахнет прелыми розами,
мухи жужжат тяжело,
медовое солнце горит на блестящих бутылках,

в каждом проёме серебряным битым стеклом
море — плотное, синее,
время гудит в затылках.

Я не хотел о прошлом, думал, хватит о нём,
особенно о мелочах, закладках на долгую память.
Память стыдлива: главное не выплывает днём,
ночью живёт за веками и сомкнутыми губами.

Пусть дальше стыдится,
так легче кинуться в жизнь,
могу кочегаром на большом каботажном судне
плыть себе в Индокитай - под солнцем дрожит
море,
и я понятия не имею о том, что будет.

Кто-то нарочно придумал незначащий разговор,
барышню с низкими бедрами,
сапфировые заливы,
на лотках золотые лимоны,
моллюски с морской травой,
возможность слышать чужие души,
пока они живы.

Теперь я знаю

Теперь я знаю, что к моргу можно пройти через парк,
осень в котором такая же, как повсюду.
Бледное её золото рассыпано просто так,
не в награду, не в милостыню,
без претензий на чудо.

Пока золотое над крышами вспыхнет солнце
к десяти, пока взойдут на крыльцо первые,
осень уже сочтёт, во что это всё обойдётся.
Выйдет дорого.
Все отсюда уйдут бедные.

Кто-то парком пойдёт, благодарный шороху листьев,
золоту бледных повязок,
как будто они лечат
хоть что-то из списка - долготу ожидания, стертые лица,
разверстых дверей прорву,
короткие жалкие речи.

Шарманщику

Жизнь одинока, потому что однообразна.
Планеты никогда не опаздывают - много реже, чем поезда.
Расписания, графики... повторяемость эта заразна,
как хроническая болезнь, которую выбрал сам.

Всё слишком обычно — драме недостаёт азарта!..
потому одинока, скучна, априори без перспектив,
и каждой весной в обрамление вишнёвого сада
есть что-то чрезмерное, будто сам себя победил.

Я ликую, я весел, я перестрою мир -
наконец-то нескучно!.. все славно сойдут с ума,
но ничего подобного — за поворотом любым
ожидает всё то же: лето, осень, зима...

Астроном не букмекер, а бог красоты не жокей,
хотя Аполлону пошёл бы жокейский картуз.
Точность всегда угрюма: какую петельку ни пришей,
платье всё то же, что в позапрошлом году.

Календарь как экзамен, от которого не увернёшься:
можешь в него не смотреть и прикрыть глаза,
есть нечто безумное в смене лиц, обновленье кожи -
успокоительно-мёртвый космос,
ослепительно белый зал,
мерная качка днища,
общий послеобеденный сон...
к счастью, есть кое-что, чем можно прервать всё это -
гениальная книга, любовь, преступление даже! -
главное, выйти вон -
годится бессонная ночь
или день в темноте, без света -

ЗА пределы тоски, разрушая её равномерность...
Думаю, эти попытки предусмотрены тоже,
но... намерения были добрые, поскольку в основе веру,
любовь положили, надежду — и то, что на них похоже.

Что ж, пусть в иной день мне выпадает скука -
как средство искать спасенья и полюбить людей.
В соседнем дворе шарманка, то визгливо, то глухо,
я б посмотрел на шарманщика, да искать его где...

Нина Злаказова. "Теперь я знаю"

Автор: Оргкомитет
22.09.2014 11:09

